

УДК 398.21.81

М. Соегов*Национальный институт рукописей, г. Ашхабад*

**ТУРКМЕНСКИЙ ФОЛЬКЛОР
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ШВЕДСКО-РУССКОГО
ЭТНОГРАФА-МУЗЫКОВЕДА В. Н. ГАРТЕВЕЛЬДА
(К ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМЕ)**

Данная статья посвящена описанию книги В. Н. Гартевельда, изданной в 1914 году под названием «Среди сыпучих песков и отрубленных голов», с точки зрения отражения в ней образцов туркменского устного и музыкального фольклора, которые были записаны автором данного издания из уст исполнителей-музыкантов и сказителей в 1913 году в Закаспийской области. Он был приглашен в гости в дом туркмена-старейшины аула Кеши под Ашхабадом, где устроили специально для него концерт с участием местных исполнителей. Наряду с этим он встретился еще туркменскими певцами в Ашхабаде. Кроме фольклорных материалов, данная книга содержит также ценные данные, характеризующие национальный менталитет туркменского народа. Так, например, по его утверждению, туркмен гостеприимен, честен, правдив, самолюбив и в высшей степени горд. Туркменские женщины возделывают самые красивые, прочные и ценные ковры. Автор книги утверждает, что он никогда не видел и даже не предполагал возможности существования лошадей такой красоты, какой увидел в ашхабадской конюшне. В книге представлены тексты народной песни о взятии Геок-тепе и одной народной сказки, которые приводятся в приложении к настоящей статье. Указывается на серьезные ошибки (искажения), допущенные автором книги при передаче на русский язык туркменских личных имен и некоторых других слов-реалий. При этом попутно ставятся отдельные вопросы так называемого индивидуально-психологического мультикультурализма. По мнению автора статьи, коллективный (социальный) мультикультурализм в идеале должен состоять из совокупности индивидуально-психологического мультикультурализма членов того или иного социума.

Ключевые слова: туркменский фольклор, менталитет, народные песни, сказка, запись текстов, мультикультурализм

О книге с вызывающим названием «Среди сыпучих песков и отрубленных голов» В. Н. Гартевельда – автора с труднопроизносимой для туркмена фамилией – впервые слышал будучи еще студентом госуниверситета, из уст нашего профессора Мяти Косаева во время его превосходных лекций по истории туркменской классической литературы, прочитанных им в 1970–1971 учебном году. Профессор рассказывал, как автор этой книги, побывавший в начале XX века в Красноводске (нынешний Туркменбаши), Ашхабаде, Мары (Мерв), Байрам-Али и некоторых других городах и селах Закаспийской области (тогдашний Туркменистан), писал о безводии и маловодии края («туркмены могут сказать: Земля наша велика и обильна, но воды в ней нет». И если в Европейской России крестьяне стонут «земли, земли, дайте нам земли», то туркмены в свою очередь жаждут только одного – воды»), как сам он лично испытывал жару (хотя тогда во дворе стояла

зима, правда, туркменская) в пассажирском вагоне поезда, курсировавшего по Закаспийской железной дороге.

Наш преподаватель также процитировал отдельные места книги в ее русском оригинале и затем переводил их на родной язык специально для нас – студентов факультета туркменской филологии. Помню, среди этих цитат были слова, содержащие восхищения В. Н. Гартевельда жизнью и его удивления нравами местного населения Закаспийской области, в основном текинцев – представителей крупного туркменского племени (записи сохранились в моем конспекте лекций, прочитанных тогда ныне покойным профессором. В ходе подготовки настоящей статьи эти цитаты, сохранившиеся среди бумаг в моем личном архиве, были проверены по оригиналу и дополнены несколькими новыми):

«Делятся они (туркмены – М. С.) на семь племен: иомуды, гоклены, чаудуры, салоры, ерсары,

сарыки и текинцы... Самым одаренным, сильным и, я бы сказал, симпатичным племенем надо признать текинцев» [1, с. 37].

«Много красивых, я бы даже сказал, рыцарских черт проявляется у текинца. Он до самозабвения гостеприимен, честен, правдив и болезненно самолюбив. Кроме того, он в высшей степени горд. В его отношениях к русским нет ни тени унижения или подхалимства, столь свойственного сартам (оседлые узбеки – М. С.). Да и между богатыми и бедными текинцами не замечается преимущества, с одной, и раболепства, с другой стороны» [1, с. 39]. «Войдя в его кибитку, я был приятно поражен. Не было, конечно, тех богатых ковров и шелковых подушек, что я видел у старшины, да и домашняя утварь была много проще. Но кибитка была такая же просторная и сделана из того же материала. Около очага сидела его жена с четырьмя мальчиками, и все они ели плов. А старшина, через переводчика, сказал мне: «Алмех-Адлах побогаче меня – у него четыре сына, а у меня только два».

Я мысленно перенесся на секунду туда, где иные люди коротают свою жизнь, в особняках на Английских набережных [в Ницце и Санкт-Петербурге], а другие, в то же время, терпят холод и голод в мусорных ямах городских окраин. И в душе я искренне пожелал, пожелаю и теперь текинцам быть подальше от нашей хваленой цивилизации и условий быта передовых народов. Если б я был философом, я бы сказал: «Лучше есть плов пальцами, чем совсем его не иметь...»

И тут я потихоньку спросил полковника, не дать ли мне что-нибудь «беднейшему» Алмех-Адлаху. На это он заметил мне: «Как ни добр и сердечен текинец, но на подобное оскорбление он ответит вам ударом ятагана» [1, с. 46–47].

«Один благонамеренный россиянин как-то сказал: “Важнее всего на свете каланча!” А туркмен скажет: “Важнее всего на свете ковер!” А я, как беспристрастный иностранец, думаю (или, вернее сказать, дерзаю думать), что без каланчи Россия не погибла бы, тогда как туркмен без ковра прямо не жилец на этом свете. И в самом деле! Туркмен... родится, вырастает, учится, ест, спит и умирает – на ковре. Наши европейские стулья, диваны и кровати не знакомы туркмену. Все это у них заменяется коврами, на которые иногда кладут подушки... Самые красивые, прочные и ценные ковры в Туркестане выделывают текинцы или, вернее сказать, текинки, ибо ковровое производство находится всецело в руках женщин» [1, с. 48].

«Да будет мне здесь дозволено сказать несколько слов о красе и гордости лошадиного мира, о текинской лошади... Я не “лошадник”, и отношусь довольно равнодушно к лошадям; но должен сознаться, что я никогда не видал и даже не предполагал о возможности существования лошадей такой красоты, какой увидел в ашхабадской конюшне. Что ни лошадь – то поэма» [1, с. 35].

«Верблюды во многом превосходят лошадей. Гордый конь по самой своей природе – аристократ... Верблюд же не знает никаких расовых предрассудков и требует минимального ухода. А после смерти он своей шерстью греет хозяина, своей кожей покрывает его кибитку и своим мясом питает его. Одним словом, верблюд настоящий демократ... Туркмены любят и хорошо относятся к своим верблюдам. Они украшают их разными лентами и побрякушками, и я никогда не видел, чтобы туркмен ударил животное» [1, с. 62–63].

После подобной ознакомительной вводной части, состоящей не из обработанной нами косвенной речи автора интересующей нас книги, а в форме его собственно-прямой речи, а также перед тем, как приступить непосредственно к основной теме статьи, т. е. изложению сведений о произведениях туркменского фольклора (и музыкального, и устного), которые содержатся в данной книге, следует кратко познакомиться с ее автором.

Из существующей справочной литературы, доступной всем желающим в Интернете, явствует, что этнограф-музыковед, композитор и дирижер Вильгельм Наполеонович Гартевельд (Julius Napoleon Wilhelm Hartevelde, 05.04.1859–01.10.1927) родился и умер в Стокгольме (Швеция), но основную часть своей творческой жизни он провел в России. После окончания Лейпцигской консерватории в период с 1882 по 1918 гг. жил и работал в России. Вошел в историю музыковедения как собиратель, издатель и исполнитель русских тюремно-каторжных и бродяжнических песен, а также песен национальных меньшинств Сибири. Открыл для публики «Славное море, священный Байкал», «Жило 12 разбойников», «По диким степям Забайкалья», выпустив две книги, посвященные Сибири («В стране возмездия», «Каторга и бродяги Сибири»).

Более десятки обработок «песен каторги» Вильгельма Гартевельда были записаны на грампластинки и выпущены с пояснительной брошюрой в Санкт-Петербурге в 1909 году. После известных событий 1917 года с первой волной эмиграции В. Н. Гартевельд уехал в Константинополь (1919 г.) и с 1920 года до конца своей жизни жил в Швеции.

Как уже говорили об этом во вводной части статьи, в 1914 году отдельной книгой были выпущены путевые заметки В. Н. Гартевельда, подготовленные им по результатам своей поездки в конце 1912 и начале 1913 гг. в Закаспийскую область и Туркестанский край в целом. В последующем книга выдержала несколько изданий.

В. Н. Гартевельд, остановившийся в «Грант-Отеле» Ашхабада (по тогдашней орфографии Асхабаде), 3 января 1913 года в сопровождении полковника Ф. Е. Еремеева и еще нескольких других господ и дам из местной русской элиты побывал в гостях у старейшины-туркмена аула (села) Кёши близ Ашхабада. Во время трапезы гостеприимный хозяин устроил для них небольшой концерт народной музыки и песен в исполнении четырех-пяти музыкантов. Кроме того, некоторое время спустя ашхабадский уездный начальник полковник Федор Андреевич Михайлов устроил в своей квартире, специально для него, музыкальный текинский вечер, чтобы дать ему возможность записать песни. Тогда В. Н. Гартевельд, по его словам, записал следующие песни: «Нар-Алачи» (песня о гранатовом дереве), «Дос-Магомет и Биби» (песня о девушке Биби и ее убийстве), «Гулма-Мет» и «Кул-Сейдах» (военные песни), «Кариба Шах-Сенем» (хивинская песня), «Хейбра и Хургана» (молодой муж) и «Ай-Джаман» (текинская песня). Исполнители еще сыграли очень красивую свадебную песнь – «Курте-Гемми» (молодая невеста) [1, с. 51–52]. Здесь и далее туркменские слова, искаженные иногда до неузнаваемости, цитируем так, как зафиксированы в оригинале книги. Ниже специально вернемся к этому вопросу. Здесь укажем, что если не только названия, но и тексты этих песен вошли бы в данную книгу, было бы еще одним посильным вкладом ее автора в деле сбора и изучения туркменского фольклора.

По мнению В. Н. Гартевельда, Геок-Тепе, где проходили сражения 1879 и 1881 гг. против русских, для текинцев является священным, и в их сказаниях и народных песнях «его эпопея» (слова автора книги) занимает одно из первых мест. Впоследствии ему пришлось познакомиться со знаменитой среди туркмен «Песню о взятии Геок-Тепе». В. Н. Гартевельд считает, что эта песня не только интересна в бытовом значении текста, но и очень красива по своему напеву. Пели ему ее текинцы из того же аула (селе) Кёши близ Ашхабада. По свидетельству автора книги, ее текст первоначально был записан покойным муллою Аннаком (аул Кипчак), а русский перевод сделан А. Семеновым при содействии г. Ахмет-Бека

Эфендиева (переводчика при начальнике Закаспийской области). Напев же этой песни, с аккомпанементом туркменских музыкальных инструментов, был записан самим автором книги. Слова этой «во всех отношениях замечательной песни» [1, с. 24–26] нами приложены к настоящей статье (см. приложение).

Как отмечает сам автор книги, один старый текинец рассказывал ему следующую легенду (в действительности она является мифом) о создании Аллахом здешних земель:

Премудрый Аллах первоначально сотворил землю и все живое на ней очень удачно и справедливо. Планомерность была полная, и земли и воды было всюду вдоволь. Все живущее имело все, что нужно. Но, заботясь преимущественно о добре, Аллах забыл о злом начале. И вскоре перед очами всемогущего предстал злой Шайтан и заявил, что у него нет постоянного местожительства, и просил Аллаха отвести ему таковое. Создатель подумал и указал Дьяволу на недра земли, как более или менее удобное для него обиталище. К несчастью для туркмен, подземный приют Шайтана пришелся как раз под Туркестаном.

В довершение всего, Шайтан не сидел у себя покойно и стал частенько выходить из отведенного ему жилища и смущать правоверных. Тогда Аллах присудил его, так сказать, к одиночному заключению на 3000 лет, и запер со всеми злыми духами в его подземном царстве, а ключи от этой гигантской темницы вручил ангелу.

Дьявол употребляет невероятные усилия, чтобы вырваться из этой темницы, отчего в Туркестане и происходят часто землетрясения, а от его, вызванного этими усилиями, тяжелого, огненного дыхания, высохла в Туркестане вся вода [1, с. 20–21].

Второй туркменский эпический текст, записанный В. Н. Гартевельдом в русском переводе, называется «Сказка о Ядур-Хане (Хане-ослике)». Данный сказочный эпос до сих пор не вошел ни в один из изданных сборников туркменских народных сказок («Проданный сон» и др.). Поэтому впервые после 1913 года предлагаем вниманию читателей второй опубликованный текст этой туркменской сказки [1, с. 53–56] (см. приложение):

Наш преподаватель профессор Мяти Косаев тогда, в годы нашей студенческой молодости, в своих лекциях рассказывал и цитировал книгу В. Н. Гартевельда по изданию 1914 года, которое уже в то время стало библиографической редкостью, а мы теперь сможем рекомендовать читателям, особенно молодым, ознакомиться с этой

удивительной книгой по изданию 2014 года, выпущенному 100 лет спустя после появления ее в свет. Страницы приведенных нами выше цитат также указаны согласно новому изданию книги.

По нашему мнению, при пользовании книгой В. Н. Гартевельда, как со старым, так и новыми изданиями, обязательно следует иметь в виду следующее обстоятельство. В записях текстов своего переводчика с туркменского языка, обрусевшему шведу в последующем, в ходе написания книги в Москве, по-видимому, трудно было разбираться в туркменских словах, записанных кириллицей и с неадекватными русскими переводами. Например, парное слово «Ходма-Сеид» из первой строки четвертой строфы приведенного в приложении стиха, несомненно, должно быть в оригинале как «Ходжа-Сеид» (так называемые овлады – «святые» племена туркмен, родословие которых, якобы, восходит к Пророку Мухаммеду). Нетрудно предположить, что автор книги в этих словах просто не смог различать написание букв «м» и «ж».

Другие возможные исправления: Алмех-Адлах – не поддается точной идентификации, но предположительно можно восстановить как: Алчак Аллак («общительный Аллак»); Беджне – бечене, т. е. «печенеги» по древнерусским летописям; Юж-Гют – не поддается точной идентификации, предположительно: Юзи-ягты («со светлым лицом»); «Нар-Алачи» – «Нар агаджы»; «Кариба Шах-Сенем» – «Гариб и Шахсенем»; «Хейбра и Хургана» – «Хюрлукга и Хемра»; «Ай-Джаман» – «Айджемал»; Ядур-Хан – Ягыр (Ягур)-хан (т. е. «хан с ослиной ссадиной на спине»); Кульгерды – Гулгелди; хамбра – тамдыра и т. п.

Еще одним недостатком книги «Среди сыпучих песков и отрубленных голов» в плане паспортизации записанных фольклорных текстов является то, что ее автор не указывает личные имена туркменских певцов и музыкантов, хотя искаженно, но счел необходимым указать письменно имени старейшины села Кёши, в доме которого они гостили и записывали песни: Магомет-Верди-Кульгерды (в туркменском оригинале пишется: Мухамметберди Гулгелди).

Несмотря на эти и другие недостатки, записи туркменского фольклора, произведенные В. Н. Гартевельдом более ста лет тому назад, частично и в их нотном исполнении, имеют определенную научную ценность, особенно те, которые не вошли в его изданные работы, а хранятся, очевидно, в архивах России и Швеции. Находить и внести их в научный обиход современной фольклористики позволит на не исследованном еще материа-

ле более адекватно рассматривать актуальные и не изученные вопросы истории туркменского устного и музыкального фольклора.

В самом конце, возвращаясь к подзаголовку нашей статьи «К вопросу об индивидуально-психологическом мультикультурализме», можем констатировать, что этнограф-музыковед и композитор В. Н. Гартевельд, как человек, ученый и деятель культуры, усвоил и впитывал в себе три вида этнокультуры: исконную шведскую, приобретенную русскую и отчасти экзотическую для него – туркменскую. При этом возможный его ответ (положительный или отрицательный) на предполагаемый вопрос о том, жил ли он психологически спокойно или чувствовал всегда (иногда) дискомфорт, надо полагать, будет зависеть от его индивидуальных особенностей и окружающей его конкретной социальной среды (в нашем случае Россия или Швеция). По нашему мнению, коллективный (социальный) мультикультурализм в идеале должен состоять из совокупности индивидуально-психологического мультикультурализма членов того или иного социума [см. еще: 2]. Иначе, как показывает практика Западной Европы последних десятилетий, он не находит и не может находить широкое распространение в современном обществе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сказка о Ядур-Хане (Хане-ослике)

Славен и велик был великолепный Ядур-Хан! Он властвовал над Салорами, Текинцами и Огузами по всей долине Аму-Дарьи и по всему Мерву. То, что я хочу вам рассказать, произошло тысячи лет тому назад, но Аллах ведаёт, что уста мои не лгут и чисты, как воды горного ручья Хорасена!

Прозвище «великолепного» Ядур-Хан получил после того, как возвратился из похода против соседнего племени Беджне.

Селение и аул Беджне он во славу Аллаха предал огню, жителей убил, женщин и девушек обесчестил и с награбленным добром гордо возвратился в родной Анау. И приближенные его сейчас же, при всем народе провозгласили Ядур-Хана «великолепным» (Юж-Гют).

Не только с врагами, но и с своими подданными Ядур-Хан был грозен и суров. У него, между прочим, была страсть ко всяким развлечениям и зрелищам, а главное его удовольствие состояло в рубке голов попадавшихся ему навстречу людей. Эта ханская привычка создала в стране массу недовольных, но все эти люди молчали по той простой причине, что у них уже не было головы. А те, которые еще носили на плечах свои головы,

уж и этим были довольны и потому тоже молчали. Наконец, стоило жителям только не попадаться Хану навстречу – и все обходилось по-хорошему. Оттого текинцы вылезали лишь по ночам из своих кибиток, когда знали, что «великолепный» Хан почивает сном праведным. И такая счастливая жизнь шла годы. Днем Хан в сопровождении двух молодцов-палачей из Фарсисстана рыскал по Мерву и Анау, а ночью его верные текинцы выходили дышать ароматом степных цветов и радовались, что они еще живы.

Но верна текинская пословица: «И солнце когда-нибудь погаснет».

Все это кончилось чудесно и неожиданно!

В один прекрасный день, на базаре в Мерве появился таинственный дервиш, старый-престарый, и начал смущать добрых текинцев нехорошими словами. Он даже открыто порицал страсть Ядур-Хана к «развлечениям» и в своей дерзости дошел до того, что высказал предположение о том, что Аллах наделил текинцев головами не столько для развлечения Хана, сколько для их собственной надобности...

Услышав от своих приближенных о такой неслыханной дерзости, Ядур-Хан задрожал справедливым гневом и приказал сейчас же представить старца пред свои грозные очи.

Телохранители Хана, тут же на базаре, немедля схватили дервиша и привели его связанного во дворец, где Хан, окруженный советниками и приближенными, встретил дерзкого преступника словами:

«Ты ли, собака, осмелился лаять на повелителя Мерва и Анау? Ты ли учил, бродяга, народ на базаре, что у них голова собственная?» и, обращаясь к стоявшему поблизости главному сборщику податей Абдул-Гази, Хан спросил его:

«Скажи этой старой собаке, чья голова у тебя на плечах!»

Побледневший сановник отвечал:

«Голова, которую я, недостойный раб, временно осмеливаюсь носить – твоя, великий Хан!»

«Ты слышал, презренный червь», закричал Хан на дервиша, «а сейчас я покажу тебе, чья у тебя самого голова на плечах!»

Хан хлопнул три раза в ладоши, и в дверях показались два дюжих палача-фарсисстанца со сверкающими саблями в руках...

«Остановись, Ядур-Хан», спокойно сказал дервиш. «Одумайся!»

«Да будь я ослом, если есть здесь о чем думать!» воскликнул Хан.

И только успел он произнести эти слова, как совершилось удивительное чудо! (Аллах ведаёт,

что я говорю правду!) Вместо Хана стоял маленький смиренный ослик, а что касается дервиша, то он исчез, и слышен был только какой-то странный, постепенно удалявшийся хохот...

Советники, приближенные и палачи долго оставались в немом оцепенении, а ослик, шевеля своими длинными ушами, смиренно стоял и тупыми глазами посматривал на изумленных и перетрусивших людей.

Первым пришел в себя Абдул-Гази, сборщик податей. Он, предварительно, преклонившись перед осликом, предложил закрыть все двери и выходы дворца и составить совет, как быть и как поступить в новом положении.

И, посоветовавшись, порешили скрыть от народа странную перемену, происшедшую с Ханом, дабы не слишком опечалить верных текинцев. Кроме того, постановили сообщать править странной, предоставив ослику всякие удобства, вплоть до помещения его в ханских комнатах. А жен Хана умертвить и вместо них приобрести несколько ослиц.

Как порешили, так и сделали!

Ослик прожил еще 20 лет, 20 месяцев и 20 дней и, когда издох, то был похоронен с большой пышностью около Анау в местности, которую до сих пор называют Ядур-Карыб (ослиная могила).

Дервиш (вернее всего, это был злой волшебник) исчез бесследно. Текинцы после чудесного превращения Хана стали проявлять массу распущенности и были даже смельчаки, выходившие среди белого дня из своих кибиток.

Песнь о взятии Геок-Тепе

К нам пришли неверные стройными рядами
Из пушек, ружей яростно стреляя.

Уж двадцать лет, как это было.

Здесь и там сломила сила силу.

И Бог, защита наша, увы! оставил нас.

И рекой пролилась наша кровь.

Врагов увидя, улетела сила духа:

И конем оседланным сраженный

В прахе пал Боец-Баран.

Огнем спалили крепость нашу,

И силы, храбрости не стало у мужей.

С народом вместе уничтожена мечеть,

И с «Ходма-Сеидом», древним витязем

В разлуке вечной стал «Теке»

У гор разбросанные кочевья,

Веселье свадеб наших,

Ковры, постели, конские сбруи

И из белых кошм кибитки,

Серебро и золото нарядов женских,

Все разбито было, все взято,
И стал ограбленным беспомощный «Теке».
И навек детей от взрослых разлучили.
Подвели подкорм «неверные», крепость пала
И, плена избегая, бежали мы в пустыню,
Под каждым кустиком травы степной,
Оставляя трупы павших,
Которых было сотня тысяч;
И лишь немного пленных избежали смерти рук.
За ними грабить нас спешили шииты и сунниты,
Красных девушек и женщин похищая.
Гранаты, бомбы нас врывали в землю,
И руки, ноги лежали всюду по степи.
Кто сына оплакивал, кто дочь,
И все друг с другом разлучились.

«Не упрекай меня во лжи» – певец сказал;
«На холме Геок-Тепинском кровь пролитая
Тому свидетелем, что пел я.
В мире жалким пленником стал Теке,
И имя доброе его бесславным стало».

(Перевод с туркменского А. А. Семенова
при участии А.-Б. Эфендиева)

1. Гартевельд В. Н. Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913). Б. М.: Salamandra P. V. V., 2014. 128 с.

2. Соегов М. Литература и филология, приближая народы, укрепляют их толерантность. Саарбрюккен: Издательский дом Lap Lambert Academic Publishing, 2013. 268 с.

Статья поступила в редакцию 19.07.2016 г.

Для цитирования: Соегов М. Туркменский фольклор в интерпретации шведско-русского этнографа-музыковеда В. Н. Гартевельда (к вопросу об индивидуально-психологическом мультикультурализме) // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 4 (24). С. 95–101.

Об авторе

Соегов Мурадгелди, доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана, главный научный сотрудник Национального института рукописей, г. Ашхабад, msoyegov@gmail.com

M. Soyegov

National institute of manuscripts, Ashgabat

TURKMEN FOLKLORE IN INTERPRETATION OF SWEDISH-RUSSIAN ETHNOGRAPHER-MUSICOLOGIST WILHELM HARTEVELD (TO THE ISSUE OF INDIVIDUALLY-PSYCHOLOGICAL MULTICULTURALISM)

This article is devoted to the description of the book by Wilhelm Harteveld, published in 1914 under the title “Among the shifting sands and severed heads”. The study examined the reflection in the book of Turkmen oral and musical folklore samples that were written by the author of this publication from the lips of music performers and narrators in 1913 in the Trans-Caspian region. He was invited to visit the house of the Turkmen-elder of an aul of Keshi near Ashgabat, where especially for him concert featuring local performers had been arranged. In addition, he also met Turkmen singers in Ashgabat. Besides folklore materials, this book also provides valuable data describing the national mentality of the Turkmen people. For example, according to him, the Turkmen is hospitable, honest, truthful, egoistic and extremely proud. Turkmen women create the most beautiful, durable and valuable carpets. The author claims that he had never seen or even imagined the possibility of the existence of such a beautiful horse, which he saw in Ashgabat stables. The book contains the texts of the folk song about capture Geok-Tepe and a folk tale, contained in the annex to this article. The study points to serious errors (distortions) made by the author when transferring to Russian Turkmen personal names and some other word-realities. The individual issues of the so-called individual psychological multiculturalism are also put. According to the author, the collective (social) multiculturalism should ideally consist of a plurality of individually-psychological multiculturalism of members of a society.

Keywords: Turkmen folklore, mentality, national songs, fairy tale, record of texts; multiculturalism

1. Gartevel'd V. N. Sredi sypuchih peskov i otrublennyh golov. Putevye ocherki Turkestana (1913) [Among the shifting sands and severed heads. Turkestan travel essays (1913)]. B. M.: Salamandra P. V. V., 2014. 128 c.

2. Soegov M. Literatura i filologija, priblizhaja narody, ukrepljajut ih tolerantnost' [Literature and philology, bringing nations strengthen their tolerance]. Saarbrücken: Izdatel'skij dom Lap Lambert Academic Publishing, 2013. 268 c.

Submitted 19.07.2016.

Citation for an article: Soyegov M. Turkmen folklore in interpretation of swedish-russian ethnographer-musicologist Wilhelm Hartevel'd (to the issue of individually-psychological multiculturalism). *Vestnik of the Mari State University*. 2016, no. 4 (24), pp. 95–101.

About the autor

Soyegov Muradgeldi, Doctor of Philology, Professor, Full member (Academician) of Academy of Sciences of Turkmenistan, Main research assistant of National institute of manuscripts, Ashgabat, msoyegov@gmail.com